

Советская репатриация в послевоенной политике и частной жизни: pro et contra*

Алексей Антошин

Юлия Запарий

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Soviet Repatriation in Postwar Politics and Private Life: Pro et Contra

Alexey Antoshin

Yulia Zapariy

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the Soviet repatriation policy after the Second World War referring to Soviet repatriation mission officers' correspondence with the United Nations Relief and Reconstruction Administration (UNRRA), as well as Russian DPs' ego-documents. The authors of the article raise the question about the fact that Soviet repatriation policy sparked an information war in the media in the second half of the 1940s, which has never been done by researchers previously. A variety of sources are used in the work, including the Hoover Institution for War, Revolution and Peace (Stanford, USA), the Bakhmetev Archives of Russian and Eastern European Culture at Columbia University (New York, USA), the State Archives of the Russian Federation (GARF, Moscow), as well as the UN Archive. The authors argue that discussions of Soviet repatriation policy should be placed within the context of the Cold War era, which began with the breakup of the Big Three alliance. The Soviet government used a variety of information, political,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation*: Antoshin, A., Zapariy, Yu. (2024). Soviet Repatriation in Postwar Politics and Private Life: Pro et Contra. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 79–95. DOI 10.15826/qr.2024.1.866.

Цитирование: Antoshin A., Zapariy Yu. Soviet Repatriation in Postwar Politics and Private Life: Pro et Contra // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 79–95. DOI 10.15826/qr.2024.1.866 / Антошин А., Запарий Ю. Советская репатриация в послевоенной политике и частной жизни: pro et contra // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 79–95. DOI 10.15826/qr.2024.1.866.

and intellectual resources to ensure the return of the maximum possible number of USSR citizens to their homeland. In this paper, the authors demonstrate that for the purposes of counterpropaganda, the anti-communist forces used the idea of repatriation by utilizing the potential of displaced people who had survived the Stalinist repression of the 1930s to oppose the existing political regime in the USSR. Considerable attention is paid to the position of UNRRA officials, primarily the heads of its mission in Austria. Several of them were highly critical of the activities of the Soviet repatriation authorities, believing that their behaviour often failed to help displaced people become interested in returning home.

Keywords: displaced persons, repatriation, emigration, United Nations Relief and Reconstruction Administration (UNRRA), Cold War

Рассмотрена советская политика репатриации после Второй мировой войны. В основе исследования – переписка сотрудников советских репатриационных миссий с чиновниками Администрации помощи и восстановления ООН (ЮНРРА), а также эго-документы, исходившие от граждан СССР, находившихся в лагерях для перемещенных лиц. Впервые поставлен вопрос о том, что советская политика репатриации стала поводом для начала информационной войны, развернувшейся в средствах массовой информации во второй половине 1940-х гг. Используются материалы разного характера из российских и зарубежных архивов, включая Архив ООН. Исследование показало, что дискуссии вокруг проводившейся Советским Союзом политики репатриации необходимо рассматривать в контексте эпохи холодной войны, начавшейся после исчезновения основы для существования антигитлеровской коалиции. Советское правительство использовало разнообразные информационные, политические и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы обеспечить возвращение максимально возможного количества граждан в СССР. Обоснован тезис, что антикоммунистические силы использовали для контрпропаганды идеи репатриации потенциал тех перемещенных лиц, которые были критически настроены в отношении существовавшего в СССР политического режима и пережитого ими периода сталинских репрессий 1930-х гг. Значительное внимание уделено позиции чиновников ЮНРРА, прежде всего руководителей ее миссии в Австрии. Доказано, что многие из них весьма критически оценивали деятельность советских репатриационных органов, полагая, что поведение их сотрудников зачастую не способствовало появлению у перемещенных лиц желания вернуться на Родину.

Ключевые слова: перемещенные лица, репатриация, эмиграция, Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА), холодная война

Вторая мировая война ознаменовалась массовым перемещением населения. Вопрос устройства сотен тысяч беженцев и перемещенных лиц стал гуманитарным вызовом для послевоенного развития

европейских стран. Еще в ходе мирового конфликта ведущие государства – члены антигитлеровской коалиции целенаправленно формировали основы будущего миропорядка. Союзники учредили Администрацию помощи и восстановления Объединенных Наций (далее – ЮНРРА) – международную организацию, призванную объединить их усилия с целью реконструкции разрушенных экономик и стабилизации ситуации в освобожденных странах. В соответствии с резолюциями Совета ЮНРРА решение проблемы беженцев и перемещенных лиц («ди-пи») заключалось в последовательной реализации союзными государствами согласованных мероприятий по их репатриации.

Советский Союз, занимая ключевое место в послевоенной системе международных отношений, столкнулся с колоссальным объемом задач, которые необходимо было осуществить в условиях разрушенной экономики и громадных человеческих потерь. Параллельно с восстановлением страны СССР должен был выступать гарантом нового мирового порядка, организовывать возвращение перемещенного населения и обеспечить сохранение за собой позиции ведущего государства в мире. Реализация этих задач неизбежно вела к обострению отношений с другой сверхдержавой, появившейся из горнила Второй мировой войны, Соединенными Штатами. Политическое противостояние стремительно обрело идеологическое измерение, что усилило конкуренцию за настроения и умы людей, чья поддержка теперь становилась важна не только для послевоенного восстановления, но и как показатель идеологического превосходства одной системы над другой. Завершение войны стало вызовом и для советской государственной и пропагандистской систем. Дипломаты и специалисты по организации репатриации граждан должны были действовать в непривычных, зачастую недружественных условиях и конкурировать за судьбы и политические настроения людей. Государственные служащие, сознание которых сформировалось в условиях сталинской системы управления, оказались в непривычной ситуации, к которой они зачастую не были подготовлены. В настоящей статье анализируются методы, способы и политика стимулирования репатриации, которую реализовывало советское государство в первые послевоенные годы, а также ее оценка и восприятие потенциальными репатриантами и сотрудниками ЮНРРА.

В статье используются опубликованные материалы уполномоченного по делам репатриации СНК СССР [Репатриация советских граждан] и документы ряда архивов: Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва). Используются также материалы Архива ООН (United Nations Archives and Records Management, UNA). Основные проблемы, возникшие при реализации советской политики пропаганды репатриации, можно проследить на архивных материалах

ЮННРА, в которых содержится переписка между представителями организации, зональными оккупационными властями и советскими репатриационными миссиями.

Проблема советской политики репатриации затрагивалась в трудах многих отечественных [Земсков, 1990; Земсков, 1995; Смыкалин; Полян; и др.] и западных [Cohen; Fitzpatrick; Gottfried; Hilton; Holian; Marrus; Persian; Reinisch; Wyman; и др.] исследователей. Вместе с тем в их работах ранее почти не использовалась переписка между чиновниками ЮННРА и сотрудниками советских репатриационных органов, хранящаяся в Архиве ООН. Компаративный анализ данной группы документов, источников, исходивших от перемещенных лиц, и материалов периодической печати позволяет оценить масштабы и характер противостояния, развернувшегося во второй половине 1940-х гг. вокруг советской политики репатриации.

Пропагандистское обеспечение советской политики репатриации после Второй мировой войны

Советское правительство последовательно выступало за возвращение всех советских граждан на территорию СССР. В октябре 1944 г. СНК СССР принял постановление о назначении уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, а также издал документ, регламентирующий его деятельность [Репатриация советских граждан, т. 1, с. 55]. Сотрудники ведомства уполномоченного обеспечивали организацию процесса репатриации советских граждан, тесно сотрудничали с НКВД, МВД, НКВД, командованием фронтов, а также взаимодействовали с международными организациями и дипломатическими представителями других стран. К моменту окончания боевых действий в Европе благодаря налаженному международному сотрудничеству представителям по вопросам репатриации были доступны практически все лагеря «ди-пи» [Орлова, с. 194]. Деятельность в этом вопросе определялась резолюциями Совета ЮННРА и договоренностью о репатриации советских граждан, которая была достигнута на Ялтинской конференции. В соглашениях СССР с США, Великобританией и Францией был зафиксирован принцип взаимной обязательной репатриации.

Представляется возможным выделить два основных направления работы уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Первое из них составляла бюрократическая сторона процесса, затрагивавшая планирование и реализацию мероприятий по пропаганде возвращения на родину с участием советских государственных структур. Данная проблематика достаточно основательно освещена в историографии [Земсков, 1990; Земсков, 1995; Смыкалин; Полян; и др.].

Второе направление охватывало вопросы, касавшиеся организации эффективного взаимодействия с перемещенными лицами, обеспечения прямого контакта с «ди-пи», работу с личными обращениями и с людьми, которые не находились в прямом подчи-

нении чиновников репатриационных миссий. Следует учитывать, что данный аспект, подразумевавший собой взаимодействие с потенциальными репатриантами и сотрудниками лагерей для перемещенных лиц, представлял серьезный вызов. Работа с «ди-пи» требовала высокой степени взаимодействия с зональными оккупационными властями и представителями международных организаций, сначала с ЮНРРА, а затем с Международной организацией по делам беженцев (МОБ). В пространстве публичной политики СССР сталкивался со значительными трудностями. В мае 1946 г. в докладе советской делегации об итогах работы специального комитета ООН по делам беженцев и перемещенных лиц отмечалось «упорное сопротивление со стороны Англии и США» предложениям СССР [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387. Л. 226]. Автор документа также отмечал «затруднения в работе из-за задержки ответов МИДом, отсутствия в составе делегации юриста, недостаточный инструктаж» [Там же. Л. 228].

В первые послевоенные месяцы репатриировалось значительное число беженцев и перемещенных лиц. Однако по мере появления конфликтных ситуаций, связанных с нежеланием различных категорий граждан возвращаться на родину, в работе советских репатриационных миссий начали возникать существенные сложности. Осенью 1945 г. администрации оккупационных зон и ЮНРРА, следуя распоряжению военного командования стран Запада, стали применять к советским гражданам из республик Прибалтики, а также к лицам, «проживавшим восточнее линии Керзона, но западнее границ СССР в 1939 г.», принцип добровольности репатриации [UNA. S-1492-0000-0164-00001. P. 47]. Работа с подобными перемещенными лицами и стимулирование их репатриации являлись одним из наиболее сложных вопросов для советской стороны. Документы свидетельствуют, что советские сотрудники не допускались в расположенные в американской оккупационной зоне Германии «особые» лагеря, где находились выходцы из прибалтийских республик и западных областей Украины и Белоруссии [Репатриация советских граждан, т. 1, с. 378]. Военные администрации стран Запада вводили дополнительные требования для представителей советских репатриационных миссий по посещению лагерей «ди-пи» и ужесточали контроль над их передвижением, что характеризовалось уполномоченным по делам репатриации как «случаи ненормального отношения со стороны англоамериканского командования» [Там же, с. 477]. Эффективность деятельности советских репатриационных миссий в значительной степени зависела от линии поведения связанных с лагерной администрацией американских и британских офицеров [Антошин, Запарий, с. 475].

С начала 1946 г. в документах все чаще упоминается об антисоветской и «антирепатриационной» пропаганде в лагерях ЮНРРА, а также о деятельности «враждебных элементов», противостоявших

работе советских репатриационных офицеров. С началом работы комитета Генеральной Ассамблеи ООН по делам беженцев вопрос о правах перемещенных лиц получил широкое освещение в прессе. Попытки Москвы добиться принятия резолюций, обеспечивавших максимальное участие СССР в процессе репатриации, потерпели неудачу [Запарий, с. 22]. ЮНППА все чаще стала подвергаться критике со стороны как советских дипломатов, так и сотрудников репатриационных миссий СССР.

Следует выделить наиболее часто встречающиеся претензии, которые выдвигались к этой международной структуре. Среди них – требования предоставить поименные списки советских граждан, находившихся в лагерях «ди-пи», запретить деятельность национальных организаций (белорусских и украинских комитетов), принять меры по пресечению антисоветской и «антирепатриационной» пропаганды. Так, в обращении начальника советской репатриационной миссии полковника М. Старова к руководителю миссии ЮНППА в Австрии генералу Р. Парминтеру (август 1946 г.) содержались требования сообщить данные о количестве советских граждан в каждой зоне, допустить передачу в лагерь официальной советской литературы, обеспечить проведение бесед и докладов о положении в СССР, а также провести по всем лагерям точную перепись советских граждан [UNA. S-1492–0000–0165–00002. P. 16]. Советские представители также поставили вопрос о формировании единого лагеря для всех перемещенных лиц, которые являлись советскими гражданами.

Тот факт, что советская сторона выдвигала такие требования, безусловно, не был случаен: он обуславливался организацией политики репатриации в СССР. Важным инструментом при осуществлении данной политики становилась периодическая печать. В Европе выпускались специальные газеты, распространявшиеся среди советских перемещенных лиц. Так, в Швейцарии выходила газета «На Родину», которая была нацелена на формирование у находившихся в лагерях «ди-пи» советских граждан четких репатриационных установок. Создатели газеты настойчиво внушали советским перемещенным лицам: «Мы должны быть готовыми каждый час к отправке на нашу любимую Отчизну, где нас ждут, где о нас заботятся» [На Родину, 1945, № 5, с. 1]. Важно было сформировать у оказавшегося за рубежом советского человека представление о том, что его лагерное бытие – это лишь незначительный эпизод в биографии. В данной системе координат лагерь «ди-пи» становился лишь транзитным пунктом в процессе возвращения на Родину.

Авторы издания стремились сформировать (или укрепить) в сознании человека позитивный образ СССР как родной земли, где репатрианта ожидала счастливая благополучная жизнь. Не менее важными были задачи изоляции советских перемещенных лиц от западного общества, пресечения проникновения элементов «чуждой идеологии». Уже в 1945 г. советские пропагандисты внушали «ди-пи»:

За рубежами родной страны советский человек попадает в чужую ему и сложную обстановку. Во многих местах враг притаился, действует коварными способами, нападает из-за угла. За маской фальшивой любезности скрыт волчий оскал фашиста.

В результате делался закономерный (в данной системе координат) вывод:

Повышенная бдительность обязательна для советского человека за рубежом. За рубежом советский человек попадает в атмосферу частнособственнической наживы, спекуляции, хищнических инстинктов, проституции, оскорбительного неуважения к человеку. Ни одна пылинка этой грязи не должна приставать к советскому человеку! [На Родину, 1945, № 5, с. 1].

В данном случае налицо понимание советскими пропагандистами того факта, что вокруг проблемы репатриации граждан СССР шла настоящая информационная война. Именно на противодействие той пропаганде, которую вели антикоммунистические силы на Западе, и были нацелены публикации газеты «На Родину» и других подобных изданий.

К пропаганде репатриации в СССР привлекались деятели культуры, популярные среди эмигрантов и советских людей. Так, в 1949 г. к «ди-пи» с призывом возвращаться на Родину обратился А. Н. Вертинский. Его обращение, опубликованное в просоветской газете «Русский голос», начиналось со следующих слов:

Сегодня меня слушают русские люди. Многих я знал. Еще больше знали меня. Я никогда не лгал. 30 лет в эмиграции я пел о том, что Родина – прежде всего... Я пел о Родине тогда, когда кругом были одни враги, когда, если вы говорили, что в Москве хорошая погода, вас считали «большевиком», т. е. своим врагом [Вертинский, с. 390].

Таким образом, Вертинский делал акцент на том доверии, которое в течение многих лет испытывали к его имени русские люди за рубежом, одновременно затрагивая их патриотические чувства.

Как и публикации газеты «На Родину», данное обращение имело особый смысл именно в контексте информационной войны вокруг политики репатриации в СССР. Разоблачая заявления западных журналистов, касавшиеся его судьбы после возвращения в СССР, известный артист заявлял:

Нет, я не торгую ни газетами, ни собой, как торгуют некоторые зарубежные «патриоты» в кавычках. Я творю и пою своему народу и получаю за это такую благодарность и любовь, которой за границей не купишь ни за какие деньги... Я живу со всем комфортом, который может себе позволить человек. У меня есть и радио, и рефрижератор, и рояль Бехштей-

на, который мне подарило правительство, на котором я работаю и занимаюсь... Повторяю вам, я считаю себя абсолютно счастливым человеком. У меня есть Родина, семья и благородный любимый труд. Чего же мне еще желать? [Вертинский, с. 391–393].

Доводы А. Н. Вертинского, на наш взгляд, были весьма убедительными, они могли оказывать серьезное влияние на сознание как русских эмигрантов, так и тех советских людей, которые находились в лагерях для перемещенных лиц. Мнение таких популярных деятелей культуры могло сыграть решающую роль при принятии гражданским СССР решения о репатриации.

Не следует полагать, что единственной причиной наличия репатриационных установок у многих «ди-пи» была их плохая информированность о ситуации в СССР и отношении к ним властей. Определяющую роль играли чувство ностальгии по родной земле, желание вернуться к близким. Вряд ли можно согласиться с позицией известного эмигрантского исследователя Н. Д. Толстого, заявлявшего, что «ди-пи» возвращались на Родину потому, что «в массе своей это были люди малообразованные, встречались и вовсе неграмотные... Они привыкли к побоям, жестокому обращению, непонятым приказам» [Толстой, с. 98]. В этой характеристике проявилось слабое знание воспитанным в Великобритании человеком психологии и системы ценностей жителей родины его предков. Источники свидетельствуют: многие перемещенные лица прекрасно знали, что в СССР их ждут многочисленные проверки и недоверие со стороны официальных властей. Однако они шли на это, были готовы даже пройти через тюремное заключение, чтобы вернуться домой, к семье и детям.

Советская политика репатриации: взгляд из барака «ди-пи» и из-за «железного занавеса»

Однако советская пропаганда репатриации отнюдь не всегда приносила тот эффект, на который рассчитывали ее инициаторы. Усилия советских репатриационных комиссий встречали негативную реакцию со стороны тех обитателей лагерей «ди-пи», которые находились под влиянием антикоммунистических сил. По мнению советских чиновников, сотрудники ЮНРРА зачастую относились к последним индифферентно или даже сочувственно. В частности, упомянутый выше М. Старов и советские представители в западных зонах оккупации неоднократно жаловались руководству ЮНРРА на то, что в регистрационных карточках перемещенных лиц указывалась недостоверная информация об их национальности; в лагерях распространялись газеты с антисоветской пропагандой, велась работа по организации переселения «ди-пи» в другие страны. Кроме того, в результате «хулиганских действий» срывались встречи обитателей лагерей с представителями репатриационных миссий [UNA. S-1492-0000-0165-00001. P. 69].

Самые серьезные претензии выдвигались по поводу ситуации в лагерях Ландек и Куфштайн, которые находились во французской зоне оккупации в Австрии. В феврале 1947 г. полковник М. Старов в письме бригадному генералу Р. Парминтеру сообщал факты нарушений резолюций ЮНРРА в данных лагерях [UNA. S-1492-0000-0165-00001. P. 69]. Озабоченность советской миссии вызывала деятельность в лагере Ландек «Украинского комитета» (уже распущенного ранее по требованию СССР), «антирепатриационное» содержание бюллетеней «Украинский вестник» и «Против шерсти», а также наличие в лагерных библиотеках изданий органов Украинского комитета Греко-католической церкви в Канаде и Америке. Последние, по заявлениям представителей СССР, носили «исключительно анти-советский характер» [Ibid. P. 54]. Особое внимание было уделено инциденту, произошедшему в ноябре 1946 г., когда сотрудники миссии майор Корнюхин и лейтенант Бутенко проводили в Ландеке беседу о порядке репатриации советских граждан, но встреча была сорвана «главарями, которые терроризируют своими действиями остальной состав лагеря» [Ibid.].

Указанный случай представляет особый интерес в контексте изучения работы советских органов с потенциальными репатриантами. В материалах ЮНРРА содержатся записи о встрече с жителями лагеря Ландек, в частности, перечень вопросов, заданных его обитателями представителям репатриационной миссии [Ibid. S-1492-0000-0164-00001. P. 38]. Большинство из них носили критический и даже враждебный по отношению к политике СССР характер. Среди них были, например, следующие вопросы:

Почему генералиссимус Сталин отказался признавать своих военнопленных в 1941 г.?

Когда будут открыты церкви в Советском Союзе?

Кто убил 11 000 польских офицеров в Катыни?

Почему Советский Союз не помогает беженцам?

Как сейчас выглядит Украина, существует ли она до сих пор? Почему они присылают официальные лица, которые говорят по-русски с украинцами?

Почему все граждане, которые имели связи с границей в 1940 г., были высланы в Сибирь? [Ibid. P. 38-39].

Безусловно, советские представители пытались оспаривать доводы антикоммунистически настроенной части перемещенных лиц, однако в целом их пропаганда не имела успеха. Отвечая на вопрос о положении церквей, майор Корнюхин заявил, что в СССР церкви не закрыты. Тут же послышались возгласы: «Ложь! Как насчет Союза безбожников?» На вопрос о польских офицерах он ответил следующее: «Кто убил польских офицеров и граждан в Катыни и Виннице. Эти люди были врагами наших офицеров... Я тогда не был свидетелем этого»

[UNA. S-1492-0000-0164-00001. P. 40]. После этих слов в документах отмечены «сильный шум и свист», а также выкрики с мест: «Вы убили их», после чего следует запись: «Большинство покидают зал» [Ibid.].

Оценка событий в Ландеке со стороны ЮНПРА была представлена в письме руководителя миссии данной организации во французской оккупационной зоне в Австрии П. Уитни-Коатеса. В сообщении, направленном на имя главы миссии ЮНПРА в Австрии в марте 1947 г., указывалось, что в беседе принимало участие 500 чел., причем многие из них «покинули встречу в знак недовольства ответами, данными советскими офицерами» [UNA. S-1492-0000-0165-00001. P. 44]. По мнению П. Уитни-Коатеса, «из этой демонстрации (настроений большой группы лиц. – А. А., Ю. З.) нужно извлечь урок – настоящие методы советской миссии отталкивают «ди-пи» от репатриации, а не стимулируют ее» [Ibid.].

Приведенные документы свидетельствуют о сложной обстановке, в которой работали советские репатриационные власти. Они не могли рассчитывать на радушный прием в лагерях перемещенных лиц, их работу критически оценивали руководящие лица ЮНПРА, им приходилось согласовывать свои передвижения с зональными военными администрациями.

Переписка между советской репатриационной миссией и руководством миссии ЮНПРА в Австрии позволяет сделать вывод об отсутствии взаимопонимания между сторонами. Советские представители настойчиво требовали устранения нарушений и создания особых условий для работы репатриационных миссий, зачастую обвиняя руководство конкретных лагерей в бездействии и попустительстве антикоммунистическим силам. Представители администраций и зональных миссий, уступая в некоторых случаях требованиям советских сотрудников, воспринимали их многочисленные обращения как свидетельство неадекватного подхода к работе с беженцами и перемещенными лицами.

Показательным является письмо главы миссии ЮНПРА в Австрии Р. Парминтера полковнику М. Старову от 30 марта 1947 г., в котором давались ответы на требования советской миссии. По ряду пунктов (в частности, относительно антисоветской пропаганды в лагере Ландек и деятельности распущенного Украинского комитета) Р. Парминтер дает формальные ответы об отсутствии у Советского Союза доказательств выдвинутых обвинений. При этом из текста неясно, какие доказательства ЮНПРА считало обоснованными, поэтому такая реакция может быть истолкована как нежелание чиновников организации вмешиваться в ситуацию внутри лагерей. В некоторых случаях давались противоречивые объяснения. В частности, в ответ на требование советских представителей «прекратить набор «ди-пи» для переезда в страны западного полушария» глава миссии ЮНПРА в Австрии указывал: «Мы ставим на первое место репатриацию, но... не будем мешать правильно организованным международным прог-

раммам эмиграции» [UNA. S-1492-0000-0165-00001. P. 17]. По ряду вопросов Р. Парминтер выдвигал встречные обвинения в адрес советской миссии. В частности, он указывал на то, что все материалы, издававшиеся в лагере Ландек на протяжении четырех-пяти месяцев, передавались советскому представителю по репатриации во французской зоне Австрии Р. Рогозинскому. При этом заранее было обговорено, что последний будет уведомлять западных коллег о фактах антисоветской пропаганды в полученных материалах. Но сигналов от него не поступало. Кроме того, зональный директор ЮНППА неоднократно запрашивал материалы от советской миссии для включения в лагерные бюллетени, но такие материалы так и не были представлены [Ibid. P. 18].

Очевидно, что часть проблем в отношениях между советскими представителями и ЮНППА была связана с упрощенным пониманием полномочий и возможностей организации со стороны офицеров советской репатриационной миссии. Требования советских представителей запретить действия национальных комитетов, прекратить доставку газет, которые поступали в лагерь с личной почтой, явно противоречили принципам работы, принятым к организации. ЮНППА также не была в состоянии обеспечить сотрудникам советских репатриационных миссий доступ в лагерь, поскольку разрешение на это выдавали военные власти соответствующих зон. Поток жалоб и обращений от советских представителей приводил к недовольству, которое представители администрации ЮНППА не скрывали во внутренней переписке организации. Так, П. Уитни-Коатес отмечал:

...Советская миссия всегда получала поддержку, но не проявила конструктивного поведения... Русские должны понять, что полное отсутствие успеха в репатриации советских граждан заключается в их психологии, жестких методах... и во многих случаях в плохих манерах» [Ibid. P. 44].

Нотки раздражения сложившейся ситуацией присутствовали и в официальном ответе генерала Р. Парминтера главе советской репатриационной миссии в Австрии. Комментируя ситуацию вокруг лагеря Ландек, он призывал не выдвигать обвинения против сотрудников ЮНППА, а задуматься над тем, какими методами советские офицеры пытались работать в лагерях. По его словам, сотрудники репатриационных комиссий СССР «настраивали против себя “ди-пи”, обращаясь к ним как к военным преступникам, запугивая их вместо содействия их репатриации» [Ibid. P. 19]. Р. Парминтер отмечал, что большинство перемещенных лиц прожили значительную часть жизни за пределами советской территории: «Тем более такие люди требуют особого подхода и обучающих материалов... Я считаю, что советские офицеры во французской зоне не учитывают это отличие» [Ibid.]. Письмо главы миссии ЮНППА в Австрии завершалось

призывом к конструктивному сотрудничеству во имя ускорения процесса репатриации. Генерал Парминтер призвал советских чиновников предоставить материалы об условиях репатриации в Советский Союз для распространения среди «ди-пи», организовать визиты людей, которые уже успешно вернулись на родину и могли рассказать жителям лагерей о благоприятных условиях репатриации. Он предлагал также обеспечить свободную от цензуры переписку обитателей лагерей с родственниками в СССР.

Как относились к деятельности советских репатриационных комиссий обитатели лагерей «ди-пи»? Следует учитывать, что их морально-психологическое состояние было весьма тяжелым. Письма многих перемещенных лиц проникнуты гнетущим ощущением бесперспективности своего пребывания в лагерях. Так, например, находившийся во французской зоне оккупации Германии К. Е. Аренсбургер отмечал:

Общей, характерной чертой для всех нас, с тавром «ди-пи», [были] усталость от прошлого, подавленность настоящим и страх перед будущим. Все это плюс полуголодное существование создает то депрессивное состояние, в котором пребывают эти лица [К. Е. Аренсбургер – Б. И. Николаевскому].

Однако данное обстоятельство отнюдь не свидетельствовало о том, что отчаявшиеся «ди-пи» были единодушны в своем стремлении вернуться в СССР. Как показывают хранящиеся в архивах материалы, обстоятельства биографий многих перемещенных лиц обуславливали глубокое недоверие к советской репатриационной пропаганде. Определенная часть этих людей так или иначе сотрудничала с нацистами в годы Второй мировой войны, поэтому их нежелание возвращаться в СССР было вполне объяснимым. Следует учитывать еще один важный фактор: люди, прошедшие через эпоху сталинских репрессий 1930-х гг., нередко были непримиримо настроены в отношении политической системы СССР. Их предвоенный опыт был столь негативен, а воспоминания о личных утратах, гибели членов их семей столь остры, что они были готовы участвовать в информационной войне против репатриации, которую вели западные СМИ, открыто рассказывая о подлинной ситуации в Советском Союзе. Таков М. В. Мацкевич, специально обратившийся по этому поводу к деятелям русской антикоммунистической эмиграции в США. Судьба этого человека (очень простого, не из интеллигентной среды, о чем говорит его письмо) была, к сожалению, достаточно типична для людей его поколения: «В 1930 г. 6 мая расстрелян мой отец Владимир Осипович, родной дядя Дмитрий Захаров, а родной брат Николай в 1937 г. сослан в концлагеря как “враг народа”». При этом он подчеркивал: «Если что требуется, я готов все описать о концлагерях Севлага и Карлага» [М. В. Мацкевич – Лиге борьбы за народную свободу].

44-летний Т. Пивоваров также был настроен решительно и заявлял: «Я могу выступить против коммунизма где хочешь (орфография автора сохранена. – А. А., Ю. З.)» [Т. Пивоваров – В. М. Зензинову].

В фонде известного эсера В. М. Зензинова в Бахметевском архиве хранится большое количество писем перемещенных лиц. В целом, характеризуя позицию большинства их авторов, можно привести слова осужденного, по его словам, в 1938 г. на 18 лет лагерей Г. А. Кизило: «Мы, маленькие люди, должны рассказать, что такое НКВД в действии» [Г. А. Кизило – В. М. Зензинову].

Среди находящихся в фонде В. М. Зензинова документов значительное место занимают присланные для возможной публикации в эмигрантских изданиях художественные, мемуарные и публицистические произведения, посвященные жизни в СССР в 1930-е гг. и событиям Второй мировой войны. Это сочинения разного характера и уровня. Некоторые из них являются многостраничными размышлениями авторов о советской системе: таков, например, труд «Правда о СССР» уже упоминавшегося Т. Пивоварова, находившегося в гамбургском лагере «ди-пи» [Т. Пивоваров – В. М. Зензинову]. Схожими по содержанию были пространные мемуары бывшего жителя Винницы П. Рагозинского-Искрогаза «Долголетняя большевицкая война», посвященные террору коммунистов на Украине. «Знают ли свободные народы мира о том, как большевики над нами издеваются?» – задавал вопрос автор этого произведения [Рагозинский-Искрогаз].

При этом следует подчеркнуть одно исключительно важное обстоятельство. Авторы подобных произведений были готовы участвовать в контрпропаганде репатриации в СССР, однако некоторые из них были против беспринципного подхода к антикоммунистической борьбе. Таков, например, бывший слесарь-механик И. С. Рудковский (взявший себе псевдоним Л. Русланов). «Там (в СССР. – А. А., Ю. З.) теория “хоть с чертом, но против Сталина”, которой здесь так увлечены, ни у кого не вызывает ни восторга, ни воодушевления... Если смена режима будет угрожать мощи и величию России, ее целостности и неприкосновенности, никакая борьба с этим режимом успешной быть не может», – подчеркивал 61-летний слесарь И. С. Рудковский [И. С. Рудковский – М. Е. Вейнбауму].

При чтении многих рукописей обращает на себя внимание прежде всего решительный антикоммунизм авторов этих сочинений. Эти люди могли критически относиться к Западу (чаще всего именно за то, что последний, по их мнению, не был готов к реальной борьбе с коммунизмом), но при этом они оставались непримиримы по отношению к советскому режиму. «От этой сволоты – большевистской власти – я очень много пострадал в Москве, пережив Бутырку, Лубянку со многими пытками и был сослан на север как “вредитель”», – писал, например, обитатель одного из лагерей «ди-пи» Й. Галскинас [Й. Галскинас – В. М. Зензинову]. Безусловно, такие люди, как он и авторы других упомянутых выше писем и сочинений, никак не могли

поверить заявлениям советских пропагандистов, приезжавших агитировать их за возвращение на Родину.

* * *

Анализ исторических источников показывает, что во второй половине 1940-х гг. вокруг проводившейся Советским Союзом политики репатриации развернулась настоящая информационная война, ставшая существенным элементом начавшегося в те годы глобального противостояния двух социально-политических систем. В этом противоборстве участвовали чиновники ЮНРРА и сотрудники советских репатриационных миссий, обитатели лагерей «ди-пи» и известные деятели культуры.

При этом позиции сторон были прямо противоположны: никто из участников данной полемики не был готов к каким-либо компромиссам. В частности, как советская сторона, так и сотрудники ЮНРРА имели предубеждения друг против друга. Советские репатриационные власти настаивали на особом подходе к вопросу о репатриации граждан СССР, что было сложно реализовать в условиях функционирования в Германии и Австрии военных администраций. При этом следует учесть, что сворачивание деятельности ЮНРРА летом 1947 г. и передача лагерей под контроль Международной организации беженцев, ориентированной на организацию переселения, еще более затруднили работу советских репатриационных миссий и пропагандистскую деятельность в лагерях. Тем более, что многие обитатели последних, прошедшие через эпоху Большого террора второй половины 1930-х гг., были крайне критически настроены по отношению к существовавшей в СССР социально-политической системе и не были готовы вернуться на Родину.

Библиографические ссылки

Антошин А., Запарий Ю. Международная помощь беженцам в послевоенной Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц из России и Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Вертинский А. Н. Дорогой длиною... М.: Правда, 1991. 576 с.

Г. А. Кизило – В. М. Зензинову. 08.08.1947 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 43. Folder “SR Party – New York group (1940s). 3”.

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 387.

Запарий Ю. В. Советский Союз и вопрос о беженцах и перемещенных лицах на повестке дня Организации Объединенных Наций (середина 40-х – 50-е гг. XX в.) // СССР в системе международных отношений : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2 дек. 2022 г. Уфа : РИЦ УУНиТ, 2023. С. 19–25.

Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. // *История СССР*. 1990. № 4. С. 26–41.

Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба // *Социс*. 1995. № 5. С. 3–12.

И. С. Рудковский – М. Е. Вейнбауму. 24.03.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

Й. Галскинас – В. М. Зензинову. Получено 08.04.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 7. Folder “Correspondence. Chronological files. July 1949–1951. D–G”.

К. Е. Аренсбургер – Б. И. Николаевскому. 09.03.1947 // HIA. Boris I. Nicolaevsky Collection. Ser. 248. Box 471. Folder 36.

М. В. Мацкевич – Лиге борьбы за народную свободу. 25.10.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.

На Родину. 1945. № 5.

Орлова Д. И. Отношение СССР к политике репатриации на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Genesis: ист. исслед. 2023. № 11. С. 193–201. DOI 10.25136/2409–868X.2023.11.68924.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ : Мемориал, 2001. 328 с.

Рагозинский-Искрогаз П. Долголетняя большевицкая война // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сб. док. : в 2 т. М. : Полит. энцикл., 2019. Т. 1. 1944–1946. 877 с. Т. 2. 1947–1952. 951 с.

Смыкалин А. С. Вопросы репатриации в СССР (на материалах Свердловской области) // Клио. 1999. № 3 (9). С. 283–285.

Т. Пивоваров – В. М. Зензинову. 23.01.1950 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М. : Рус. путь, 1996. 542 с.

Cohen G. In War’s Wake: Europe’s Displaced Persons in the Postwar Order. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2011. 237 p.

Fitzpatrick Sh. Mischka’s War. A European Odyssey of the 1940s. Melbourne : Melbourne Univ. Publ., 2017. 313 p.

Gottfried T. Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors. Brookfield, CT : Twenty-First Century Books, 2001. 127 p.

Hilton L. Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952 : PhD Diss. Ohio State Univ., 2001. 220 p.

Holian A. Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2011. 367 p.

Marrus M. The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War. Philadelphia : Temple Univ. Press, 2002. 432 p.

Persian J. Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. Sydney : New South Publ., 2017. 250 p.

Reinisch J. Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees // Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years’ Crisis? / ed. by J. Reinisch, V. Frank. L. : Bloomsbury, 2017. P. 156–258.

UNA. S-1492–0000–0164–00001. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry files. Repatriation-Soviets; S-1492–0000–0165–00001. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry files. Repatriation-Soviets-Confidential; S-1492–0000–0165–00002. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry files. Repatriation-Soviets-Confidential.

Wyman M. DP: Europe’s Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 1998. 272 p.

References

Antoshin, A., Zapariy, Yu. (2022). Mezhdunarodnaya pomoshch’ bezhentsam v poslevoennoi Germanii v otsenkakh emigrantov i peremeshchennykh lits iz Rossii i Sovetskogo Soyuza [International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by

Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 2, pp. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Cohen, G. (2011). *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order*. N. Y., Oxford Univ. Press. 237 p.

Fitzpatrick, Sh. (2017). *Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s*. Melbourne, Melbourne Univ. Publ. 313 p.

G. A. Kizilo – V. M. Zenzinovu [G. A. Kizilo to V. M. Zenzinov]. (1947). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 43. Folder “SR Party – New York group (1940s). 3”.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 9526. List 1. Dos. 387.

Gottfried, T. (2001). *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors*. Brookfield, CT, Twenty-First Century Books. 127 p.

Hilton, L. (2001). *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952*. PhD Diss., Ohio State Univ. 220 p.

Holian, A. (2011). *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 367 p.

I. Galskinas – V. M. Zenzinovu [I. Galskinas to V. M. Zenzinov]. (1950). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 7. Folder “Correspondence. Chronological files. July 1949–1951. D-G”.

I. S. Rudkovskii – M. E. Veinbaumu [I. S. Rudkovskiy to M. E. Weinbaum]. (1950). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

K. E. Arensbürger – B. I. Nikolaevskomu [K. E. Arensbürger to B. I. Nikolaevsky]. (1947). In *HIA*. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 471. Folder 36.

M. V. Matskevich – Lige bor'by za narodnuyu svobodu [M. V. Matskevich League for Fighting for People's Freedom]. (1950). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.

Marrus, M. (2002). *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War*. Philadelphia, Temple Univ. Press. 432 p.

Na Rodinu [*Na Rodinu*]. 1945. No. 5.

Orlova, D. I. (2023). Otnoshenie SSSR k politike repatriatsii na zavershayushchem etape Velikoi Otechestvennoi voiny i v pervye poslevoennye gody [The Attitude of the USSR to the Policy of Repatriation at the Final Stage of the Great Patriotic War and in the First Postwar Years]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 193–201. DOI 10.25136/2409–868X.2023.11.68924.

Persian, J. (2017). *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians*. Sydney, New South Publ. 250 p.

Polyan, P. M. (2001). *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not of Their Own Free Will... The History and Geography of Forced Migrations to the USSR.] Moscow, OGI, Memorial. 328 p.

Ragozinskii-Iskrogaz, P. (N. d.). Dolgoletnyaya bol'shevitskaya voina [Long Bolshevik War] (1951–1952). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

Reinisch, J. (2017). Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees. In Reinisch, J., Frank, M. (Eds.). *Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years' Crisis?* L., Bloomsbury, pp. 156–258.

Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoi territorii Germanii, 1944–1952. Sbornik dokumentov v 2 t. [Repatriation of Soviet Citizens from Occupied German Territory, 1944–1952. Collection of Documents. 2 Vols.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 1. 1944–1946. 877 p. Vol. 2. 1947–1952. 951 p.

Smykalin, A. S. (1999). Voprosy repatriatsii v SSSR (na materialakh Sverdlovskoi oblasti) [Issues of Repatriation in the USSR (Based on Materials from Sverdlovsk Region)]. In *Klio*. No. 3 (9), pp. 283–285.

T. Pivovarov – V. M. Zenzinovu [T. Pivovarov to V. M. Zenzinov]. (1950) In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.

Tolstoi, N. D. (1996). *Zherty Yalty* [Victims of Yalta]. Moscow, Russkii put'. 542 p.
UNA. S-1492-0000-0164-00001. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry Files. Repatriation-Soviets; S-1492-0000-0165-00001. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry Files. Repatriation-Soviets-Confidential; S-1492-0000-0165-00002. UNRRA. Austria Mission. Chief of Mission-Registry Files. Repatriation-Soviets-Confidential.

Vertinskii, A. N. (1991). *Dorogoi dlinnoyu...* [The Long Road...]. Moscow, Pravda. 576 p.

Wyman, M. (1998). *DP: Europe's Displaced Persons, 1945-1951*. Ithaca, N. Y. : Cornell Univ. Press, 272 p.

Zapariy, Yu. V. (2023). Sovetskii Soyuz i vopros o bezhentsakh i peremeshchennykh litsakh na povestke dnya Organizatsii Ob'edinennykh Natsii (seredina 40-kh – 50-e gg. XX v.) [The Soviet Union and the Question of Refugees and Displaced Persons on the United Nations Agenda (Second Half of the 1940s-1950s)]. In *SSSR v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Ufa, 2 dekabrya 2022 g.* Ufa, RITs UUNiT, pp. 19-25.

Zemskov, V. N. (1990). K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944-1951 gg. [On the Issue of Repatriation of Soviet Citizens. 1944-1951]. In *Istoriya SSSR*. No. 4, pp. 26-41.

Zemskov, V. N. (1995). Repatriatsiya sovetskikh grazhdan i ikh dal'neishaya sud'ba [Repatriation of Soviet Citizens and Their Future Fate]. In *Sotsis*. No. 5, pp. 3-12.

The article was submitted on 24.10.2023